
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
СУЩЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ

Истина явления — это *существенное отношение*. Содержанию этого отношения присуща непосредственная самостоятельность, и притом *сущяя* непосредственность и *рефлектированная* непосредственность или тождественная с собой рефлексия. В то же время оно в этой самостоятельности есть относительное содержание, просто лишь как рефлексия в свое иное или как единство соотношения со своим иным. В этом единстве самостоятельное содержание есть нечто положенное, снятое; но как раз это единство и составляет его существенность и самостоятельность; эта рефлексия в иное есть рефлексия в само себя. Отношение имеет стороны, так как оно рефлексия в иное; таким образом, оно имеет свое собственное различие в самом себе; и стороны его — это самостоятельная устойчивость, так как они в своей безразличной разности друг относительно друга надломлены в самих себе, так что устойчивость каждой из них точно так же имеет свое значение лишь в соотношении с другой или в их отрицательном единстве.

Поэтому, хотя существенное отношение еще не есть истинное *третье* к *сущности* и *существованию*, но оно уже содержит определенное соединение обоих. Сущность реализована в нем таким образом, что она имеет своей устойчивостью самостоятельные существования, возвратившиеся из своего безразличия в свое существенное единство, так что они имеют своей устойчивостью лишь это единство. Рефлексивные определения положительного и отрицательного равным образом рефлектированы в себя лишь как рефлектированные в свою противоположность; но у них нет другого определения, кроме этого их отрица-

тельного единства; существенное же отношение имеет своими сторонами такие, которые положены как самостоятельные целокупности. Оно то же противоположение, что и противоположение положительного и отрицательного, но вместе с тем как некий мир наизнанку. Сторона существенного отношения есть целокупность, которая, однако, как существенная имеет нечто противоположное, нечто *поустороннее*; это есть лишь явление; его существование — это скорее существование не его, а его иного. Оно поэтому нечто надломленное в самом себе; но эта его снятость состоит в том, что оно единство себя самого и своего иного, следовательно, оно целое и именно поэтому имеет самостоятельное существование и есть существенная рефлексия в себя.

Таково *понятие* отношения. Но тождество, вначале содержащееся в нем, еще не полное; целокупность, свойственная каждому относительному, есть лишь нечто внутреннее; сторона отношения прежде всего положена в *одном* из определений отрицательного единства; собственная самостоятельность каждой из обеих сторон составляет форму отношения. Его тождество есть поэтому лишь *соотношение*, и самостоятельность этого тождества имеет место вне этого соотношения, а именно, она присуща сторонам; нет еще в наличии рефлексированного единства этого тождества и самостоятельных существований, нет еще *субстанции*. — Поэтому хотя и выяснилось, что понятие отношения — быть единством рефлексированной и непосредственной самостоятельности, однако, во-первых, это *понятие* само еще *непосредственно*, его моменты поэтому непосредственны друг относительно друга, а единство есть их существенное соотношение, которое лишь тогда есть истинное, соответствующее понятию единство, когда оно реализовало себя, а именно *положило* себя своим движением как указанное единство.

Существенное отношение есть поэтому непосредственно отношение между *целым* и *частями* — соотношение рефлексированной и непосредственной самостоятельности, так что обе они в то же время даны лишь как взаимно обуславливающие и предполагающие друг друга.

В этом отношении ни одна из сторон еще не положена как момент другой, их тождество поэтому само есть некоторая сторона, иначе говоря, оно не есть их отрицательное единство. Вот почему это отношение, *во-вторых*,

переходит в такое отношение, где одна сторона есть момент другой и дана в ней как в своем основании — в истинно самостоятельном их обоих; это — отношение между *силой и ее проявлением*.

В-третьих, еще имеющееся неравенство этого соотношения снимает себя, и последнее отношение есть отношение между *внутренним и внешним*. — В этом различии, ставшем совершенно формальным, само отношение исчезает в основании и выступает *субстанция* или *действительное* как *абсолютное* единство непосредственного и рефлектированного существования.

А. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЦЕЛЫМ И ЧАСТЯМИ

Существенное отношение содержит, *во-первых*, *рефлектированную в себя* самостоятельность существования; как такое отношение оно *простая форма*, определения которой хотя они также существования, но в то же время положенные существования, моменты, удерживаемые в единстве. Эта рефлектированная в себя самостоятельность есть в то же время рефлексия в свое противоположное, а именно в *непосредственную* самостоятельность; и ее устойчивость есть по существу своему в такой же мере это тождество со своим противоположным, в какой оно своя собственная самостоятельность. — Именно тем самым непосредственно положена, *во-вторых*, и другая сторона — непосредственная самостоятельность, которая, определенная как *иное*, есть сложное многообразие внутри себя, но так, что это многообразие по существу своему имеет в самом себе *также* отношение другой стороны, единство рефлектированной самостоятельности. Первая сторона, *целое*, — это самостоятельность, составлявшая в себе и для себя сущий мир; другая сторона, *части*, это — непосредственное существование, которое было являющимся миром. В отношении между целым и частями обе стороны суть эти самостоятельности, но так, что каждая отсвечивает в другой и в то же время дана только как это тождество обеих. Так как существенное отношение — это еще только первое, непосредственное отношение, то отрицательное единство и положительная самостоятельность соединены между собой посредством «также»; обе стороны хотя и положены как *моменты*, но *точно так же* положены и как существующие *самостоятельности*. — По-

этому то, что обе стороны положены как моменты, распределено между ними так, что, во-первых, *целое*, рефлексированная самостоятельность дана как существующее, а в ней другая, непосредственная самостоятельность дана как момент; здесь *целое* составляет единство обеих сторон, *основу*, а непосредственное существование дано как *положенность*. — Наоборот, на другой стороне, т. е. на стороне *частей*, самостоятельной основой служит непосредственное, внутри себя многообразное существование, тогда как рефлексированное единство, целое, есть лишь внешнее соотношение.

2⁶⁸. Это отношение содержит, стало быть, самостоятельность сторон и точно так же их снятость, содержит и то и другое всецело в одном соотношении. Целое — это самостоятельное, части — это лишь моменты такого единства; но в той же мере они и самостоятельное, а их рефлексированное единство — лишь момент; и каждая из сторон есть в своей *самостоятельности* совершенно *относительное* своего иного⁶⁹. Вот почему это отношение есть в самом себе непосредственное противоречие и снимает себя.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что *целое* — это рефлексированное единство, которое само по себе обладает самостоятельной устойчивостью; но эта его устойчивость точно так же и оттолкнута от него; как отрицательное единство целое есть отрицательное соотношение с самим собой; как такое оно стало внешним себе; оно имеет свою *устойчивость* в противоположном себе, в многообразной непосредственности, в *частях*. *Целое состоит поэтому из частей*, так что без них оно не есть нечто. Следовательно, целое — это все отношение и самостоятельная целокупность; но как раз по этой причине оно лишь нечто относительное, ибо то, что делает его целокупностью, есть, наоборот, его *иное* — части, и свою устойчивость целое имеет не в самом себе, а в своем ином⁷⁰.

Части также составляют все отношение. Они непосредственная самостоятельность *в противоположность* рефлексированной и не пребывают (*bestehen*) в целом, а суть сами по себе. Они, далее, имеют в самих себе это целое как свой момент; оно составляет их соотношение; без целого нет частей. Но так как они суть то, что самостоятельно, то это соотношение лишь внешний момент, к которому они в себе и для себя безразличны. Однако

в то же время частей как многообразное существование совпадают друг с другом, ибо это многообразное существование есть бытие, лишенное рефлексии; они имеют свою самостоятельность лишь в рефлексированном единстве, которое есть и это единство, и существующее многообразие; это означает, что они имеют самостоятельность лишь в *целом*, которое, однако, есть в то же время *другая* для частей самостоятельность.

Поэтому целое и части *обуславливают* друг друга; но рассматриваемое здесь отношение в то же время выше соотношения *обусловленного и условия*, как оно определено раньше. — Это соотношение здесь *реализовано*; а именно *положено*, что условие есть существенная самостоятельность обусловленного в том смысле, что оно *предполагается* (*vorausgesetzt*) обусловленным. Условие, как таковое, — это лишь *непосредственное* и *предположено* лишь *в себе*. Целое же есть, правда, условие частей, но в то же время оно само непосредственно подразумевает, что и оно есть лишь постольку, поскольку имеет своей предпосылкой (*Voraussetzung*) части. Таким образом, обе стороны отношения положены как обуславливающие друг друга, поэтому каждая из них есть непосредственная самостоятельность в самой себе, но ее самостоятельность также и опосредствована другой или положена ею. Благодаря этой взаимности *все отношение* есть возвращение обуславливания в само себя, есть то, что не относительно, то, *что не обусловлено*.

Поскольку же каждая из сторон отношения имеет свою самостоятельность не в самой себе, а в своей другой, налицо лишь одно тождество обеих, в котором обе суть лишь моменты; поскольку же каждая из них самостоятельна в самой себе, они два самостоятельных существования, безразличных друг к другу.

С первой точки зрения — с точки зрения существенного тождества этих сторон — *целое равно частям и части равны целому*. Нет ничего в целом, чего нет в частях, и нет ничего в частях, чего нет в целом. Целое — это не абстрактное единство, а единство *разного многообразия*; но как то, в чем [моменты] *многообразного* соотносятся друг с другом, это единство есть *определенность* этого многообразия, благодаря которой оно часть. Следовательно, отношение имеет одно нераздельное тождество и лишь одну самостоятельность.

Но кроме того, целое равно частям; однако равно оно *им* не как частям; целое — это рефлексированное единство, части же составляют определенный момент или *инобытие* единства и суть разное многообразное. Целое равно им не как этому самостоятельному разному, а как им всем *вместе*. Это их «вместе» есть, однако, не что иное, как их единство, целое, как таковое. Следовательно, целое равно в частях лишь самому себе, и равенство его и частей выражает лишь тавтологию: *целое как целое равно* не частям, а *целому*.

И наоборот, части равны целому; но так как они суть момент инобытия в самих себе, то они равны целому не как единству, а так, что *одно* из его многообразных определений приходится на часть, иначе говоря, они равны *ему* как *многообразному*; это означает, что они равны ему как *разделенному целому*, т. е. как частям. Здесь, стало быть, имеется та же тавтология: *части как части равны не целому*, как таковому, а *самим себе* в этом целом, *частям*.

Целое и части, таким образом, безразлично отделяются друг от друга (*fallen auseinander*); каждая из этих сторон соотносится лишь с собой. Но удерживаемые таким образом вне друг друга, они разрушают сами себя. Целое, безразличное к частям, это — *абстрактное*, неразличенное внутри себя *тождество*; такое тождество есть целое лишь как *различенное внутри самого себя*, и притом различенное внутри себя так, что эти многообразные определения рефлексированы в себя и непосредственно самостоятельны. А тождество рефлексии обнаружило себя через свое движение как такое тождество, которое имеет своей истиной эту *рефлексию в свое иное*. — Равным образом и части как безразличные к единству целого — это лишь несоотнесенное многообразное, *иное внутри себя*, которое, как таковое, есть иное самого себя и лишь то, что снимает себя. — Это соотношение-с-собой каждой из обеих сторон есть ее самостоятельность; но эта ее самостоятельность, которую каждая имеет *порознь*, есть скорее отрицание ее самой. Поэтому каждая сторона самостоятельна не в самой себе, а в другой; эта другая сторона, составляющая устойчивость, есть ее предположенная непосредственность, которая *должна* быть первым и ее началом; но это первое каждой из сторон само есть лишь нечто такое, что не есть первое, а имеет свое начало в ином.

Истина отношения состоит, следовательно, в *опосредствовании*; его сущность — это отрицательное единство, в котором сняты и рефлексированная, и сущая непосредственность. Отношение — это противоречие, возвращающееся в свое основание, в единство, которое как возвращающееся есть рефлексированное единство, но, поскольку это единство положено самим собой также как снятое, оно соотносится с самим собой отрицательно, снимает себя и делается сущей непосредственностью. Но это его отрицательное соотношение [с самим собой], поскольку оно нечто первое и непосредственное, опосредствовано лишь своим иным и точно так же есть нечто положенное. Это иное — сущая непосредственность — равным образом дана лишь как снятая; ее самостоятельность есть нечто первое, но лишь для того, чтобы исчезнуть, и обладает положенным и опосредствованным наличным бытием.

В этом определении отношение уже не отношение между *целым и частями*; непосредственность, которую имели его стороны, перешла в положенность и опосредствование; каждая сторона, поскольку она непосредственна, положена как снимающая себя и переходящая в другую, а поскольку сама она отрицательное соотношение [с собой], она положена так, что в то же время обусловлена другой стороной как своим положительным; равно как ее непосредственный переход также есть нечто опосредствованное, а именно снятие, полагаемое другой стороной. — Таким образом отношение между целым и частями перешло в отношение между *силой и ее проявлением*.

П р и м е ч а н и е [Бесконечная делимость]

Выше, разбирая понятие количества, мы рассмотрели *антиномию бесконечной делимости материи*⁷¹. Количество — это единство непрерывности и дискретности; оно содержит в *самостоятельном* «одном» его *слитость* с другими «одними», а в этом непрерывно *продолжающемся тождестве* с собой содержит также *отрицание этого тождества*. Когда непосредственное соотношение этих моментов количества выражено в виде существенного отношения между целым и частями — количественное «одно» [выражено] как *часть*, а его *непрерывность* как *целое*, сло-

женное из частей, — тогда антиномия состоит в противоречии, имевшем место в отношении между целым и частями и разрешенном там. — А именно, целое и части столь же существенно соотнесены друг с другом и составляют лишь одно тождество, сколь и безразличны друг к другу и обладают самостоятельной устойчивостью. Отношение составляет поэтому следующую антиномию: один момент, освобождаясь от другого момента, непосредственно влечет его за собой.

Следовательно, если определить существующее как целое, то оно имеет части, а части составляют его устойчивость; единство целого — это лишь положенное соотношение, внешнее *сложение*, не касающееся самостоятельно существующего. Поскольку же самостоятельно существующее есть часть, оно не целое, не сложное, стало быть, есть *простое*. Но так как соотношение с целым внешне ему, то это соотношение его не касается; самостоятельное, стало быть, и в себе не есть часть, ибо оно часть лишь благодаря указанному соотношению. Но, не будучи частью, оно целое, ибо [здесь] имеется лишь это отношение между целым и частями, и то, что самостоятельно, есть одно из этих двух. Будучи же целым, оно опять-таки сложено; оно опять состоит из частей и *так далее до бесконечности*. — Эта бесконечность состоит не в чем ином, как в постоянном чередовании обоих определенных отношения, в каждом из которых непосредственно возникает другое, так что положенность каждого из них есть исчезновение его самого. Если определить материю как целое, то она состоит из частей, а в этих частях целое становится несущественным соотношением и исчезает. Но и часть, взятая таким образом отдельно, также есть не часть, а целое. — Антиномию этого умозаключения можно совершенно сжато выразить, собственно говоря, следующим образом: так как целое не самостоятельно, то часть самостоятельна; но так как она самостоятельна лишь *без целого*, то она самостоятельна *не* как часть, а, наоборот, *как целое*. Бесконечность прогресса возникает здесь из-за неспособности связать обе мысли, содержащиеся в этом опосредствовании, а именно что каждое из этих двух определений благодаря своей самостоятельности и обособлению от другого определения переходит в несамостоятельность и в другое определение.

В. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СИЛОЙ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕМ

Сила — это отрицательное единство, в которое разрешилось противоречие между целым и частями, истина указанного первого отношения⁷². Целое и части — это лишенное мысли отношение, на которое представление наталкивается прежде всего; или, взятое объективно, это отношение есть мертвый, механический агрегат, который хотя и имеет определения формы, благодаря чему многообразие его самостоятельной материи соотносится [с собой] в единстве, однако это единство остается внешним для многообразия. — Отношение же *силы* — это высший возврат к себе, в котором единство целого, составлявшее соотношение [с собой] самостоятельного инобытия, перестает быть чем-то внешним для этого многообразия и безразличным к нему.

Существенное отношение определилось теперь так, что непосредственная и рефлексированная самостоятельность положены в нем⁷³ как снятые или как моменты, которые в предыдущем отношении были сторонами или полюсами, устойчивыми сами по себе. Это означает, *во-первых*, что рефлексированное единство и его непосредственное наличное бытие, поскольку оба суть первые и непосредственные, снимают себя в себе самих и переходят в свое иное; рефлексированное единство, [т. е.] *сила*, переходит в *свое проявление*, а внешнее — это нечто исчезающее, возвращающееся в силу как в свое основание и дано лишь как носимое этой силой и полагаемое ею. *Во-вторых*, этот переход есть не только становление и исчезновение, но и отрицательное соотношение с собой, иначе говоря, *то, что изменяет свое определение*, в то же время рефлексировано в этом переходе в себя и сохраняет себя; движение силы — это не столько *переход*, сколько то, что она сама себя *переиначивает* (*über setzt*) и в этом положении ею самой изменении остается тем, что она есть. — *В-третьих*, это *рефлексированное*, соотносящееся с собой единство само также снято и есть момент; оно опосредствовано своим иным и имеет это иное [своим] *условием*; отрицательное соотношение этого единства с собой как первое и как начало движения своего *спонтанного* (*aus sich*) перехода точно так же имеет предпосылку, которой оно *побуждается* (*solliziert*), и нечто иное, с чего оно начинается.

а) Обусловленность силы

Рассматриваемая в своих ближайших определениях, сила, *во-первых*, имеет в самой себе момент сущей непосредственности; сама же она определена как отрицательное единство. Но это единство в определении непосредственного бытия есть *существующее нечто*. Это нечто, будучи отрицательным единством как то, что непосредственно, являет себя как первое; сила же, так как она то, что рефлектировано, являет себя как положенность и потому как принадлежащая к существующей вещи или к материи. Это не означает, что сила есть *форма* этой вещи и что вещь определена ею, а означает, что вещь как нечто непосредственное безразлична к ней. — Со стороны этого определения в вещи нет никакого основания для того, чтобы обладать какой-то силой; напротив, сила как сторона положенности по существу своему имеет своей предпосылкой вещь. Поэтому, когда спрашивают, каким образом вещь или материя приходит к тому, чтобы *обладать* силой, предполагают, что сила внешне связана с вещью или материей и *втиснута* в нее какой-то посторонней мощью (Gewalt).

Как такая непосредственная устойчивость сила есть вообще *спокойная определенность вещи*, не нечто проявляющееся, а непосредственно внешнее. Так, силу обозначают также как материю, и вместо магнетической, электрической и т. д. сил признают магнетическую, электрическую и т. д. материи или вместо пресловутой *силы притяжения* — тонкий *эфир*, связывающий всё. — Именно в материях растворяется недеятельное, лишенное силы отрицательное единство вещи, а они были рассмотрены выше.

Но сила заключает в себе непосредственное существование как момент, как нечто такое, что хотя и есть условие, но преходит и снимает себя, следовательно, [заключает в себе] не как существующую вещь. Сила есть, далее, не отрицание как определенность, а отрицательное единство, рефлектирующее себя в себя. Таким образом, вещь, которой должна была быть присуща сила, уже не имеет здесь никакого значения; сама сила есть скорее полагание внешнего, являющего себя как существование. Следовательно, она также не просто определенная материя; такая

самостоятельность давно перешла в положенность и в явление.

Во-вторых, сила — это единство рефлексированной и непосредственной устойчивости, другими словами, единства формы и внешней самостоятельности. Она и то и другое в «одном»; она соприкосновение таких [определений], из которых одно имеет, если нет другого; она тождественная с собой положительная рефлексия и подвергшаяся отрицанию рефлексия. Таким образом, сила — это противоречие, отталкивающее себя от самого себя; она *деятельна*; иначе говоря, она соотносящееся с собой отрицательное единство, в котором рефлексированная непосредственность или существенное внутри-себя-бытие положено как то, что есть лишь снятое или момент, и, стало быть, поскольку оно отличается от непосредственного существования, переходит в него. Следовательно, сила как определенное рефлексированное единство целого положена как то, что *само из себя* становится существующим внешним многообразием.

Но *в-третьих*, сила — это еще только *в-себе-сущая* и непосредственная деятельность; она рефлексированное единство и столь же существенно *отрицание его*; отличаясь от этого отрицания, но лишь как тождество самой себя и своего отрицания, она по существу своему соотносена со своим отрицанием как с внешней ей непосредственностью и имеет эту непосредственность *предпосылкой и условием*.

Предпосылка же эта не есть вещь, противостоящая силе; такая безразличная самостоятельность снята в силе; как условие силы вещь есть *какое-то другое для нее самостоятельное*. Но так как это самостоятельное не есть вещь, а самостоятельная непосредственность определила себя здесь в то же время как отрицательное единство, соотносящееся с самим собой, то *оно само есть сила*. — Деятельность силы обусловлена самой собой как тем, что есть иное для себя, обусловлена силой.

Сила, таким образом, — это отношение, в котором каждая сторона есть то же, что и другая сторона. Именно силы находятся в отношении между собой, и притом соотносятся друг с другом существенным образом. — Далее, сначала они лишь разные вообще; единство их отношения — это еще только *внутреннее, в себе сущее* единство. Таким образом, обусловленность некоторой дру-

гой силой есть *в себе* действие (Tun) самой силы, иначе говоря, она поэтому лишь *пред-*полагающее действие, лишь отрицательно соотносящееся *с собой*; эта другая сила еще находится *по ту сторону* своей *полагающей* деятельности, а именно по ту сторону рефлексии, непосредственно *возвращающейся в себя* в процессе своего определения.

б) Побуждение силы

Сила обусловлена, так как содержащийся в ней момент непосредственного существования дан лишь как нечто *положенное*; но так как он в то же время непосредствен, то он нечто *предположенное*, в чем сила подвергает самое себя отрицанию. Имеющееся для силы внешнее есть поэтому *сама ее собственная пред-полагающая деятельность*, которая положена прежде всего как *другая сила*.

Далее, это *пред-полагание* взаимное. Каждая из обеих сил содержит рефлексированное в себя единство как снятое и потому есть *пред-полагающая сила*; она полагает самое себя как внешнюю силу; этот момент внешнего есть *ее собственный момент*; но так как она есть также рефлексированное в себя единство, то она полагает в то же время это свое внешнее *не в самой себе*, а как другую силу.

Но внешнее, как таковое, — это само себя снимающее; кроме того, рефлектирующая себя в себя деятельность по существу своему соотнесена с тем внешним как с чем-то иным для нее, но точно так же и как с чем-то *в себе ничтожным и тождественным с ней*. Так как *пред-полагающая деятельность* есть также рефлексия в себя, то она есть снятие этого своего отрицания, и она полагает его как самое себя или как *свое* внешнее. Так, сила, будучи обуславливающей, есть *импульс* для другой силы, которая со своей стороны действует против импульса. Дело обстоит не так, чтобы она пассивно определялась и тем самым в нее приводило нечто иное: нет, импульс лишь *побуждает* ее. Она в самой себе своя отрицательность; отталкивание себя от себя есть ее собственное полагание. Ее действие состоит, следовательно, в снятии того, что этот импульс есть нечто внешнее; она делает его просто импульсом и полагает его как собственное отталкивание себя самой от себя, как *свое собственное проявление*.

Следовательно, проявляющаяся сила — это то же, что

сначала было лишь пред-полагающей деятельностью, а именно то, что делает себя внешним; но сила как проявляющаяся есть в то же время деятельность, подвергающая отрицанию внешнее и *полагающая* его как то, что ей присуще. Если мы в этом рассуждении начинаем с силы как отрицательного единства самой себя и тем самым как пред-полагающей рефлексии, то это то же самое, как если бы мы начинали рассмотрение проявления силы с побуждающего импульса. Сила, таким образом, *в своем понятии* определена сначала как снимающее себя тождество, а *в своей реальности* одна из обеих сил определена как побуждающая, а другая — как побуждаемая. Но понятие силы — это вообще тождество полагающей и пред-полагающей рефлексии, или рефлексированного и непосредственного единства, и каждое из этих определений есть просто лишь момент внутри единства и тем самым опосредствовано другими. Но точно так же в обеих находящихся во взаимоотношении силах нет определения, которая из них побуждающая сила и которая побуждаемая, или, вернее, каждой из этих сил одинаково присущи оба определения формы. Но это тождество есть не только внешнее тождество сравнения, но и существенное их единство.

А именно, одна сила вначале определена как *побуждающая*, а другая — как *побуждаемая*; эти определения формы являют себя, таким образом, как непосредственные различия этих двух сил, имеющиеся в себе. Но они по своему существу опосредствованы. Одна сила побуждается; этот импульс есть определение, положенное в нее *извне*. Но сила сама есть то, что пред-полагает; она по своему существу рефлексивирует себя в себя и снимает то, что импульс есть нечто внешнее. То, что она побуждается, есть поэтому ее собственное действие, иначе говоря, ею самой определено, что другая сила есть вообще другая и побуждающая сила. Побуждающая сила соотносится со своей другой силой отрицательно, так что она снимает ее внешний характер; потому она полагающая сила; но она такова лишь при предположении, что она имеет перед собой другую силу, т. е. она сама побуждающая сила лишь постольку, поскольку она имеет характер внешнего и, стало быть, поскольку ее побуждают. Иначе говоря, она побуждающая сила лишь постольку, поскольку она побуждается к тому, чтобы быть побуждающей.

Тем самым первая сила, наоборот, побуждается лишь постольку, поскольку она сама побуждает другую к тому, чтобы побуждать ее, т. е. первую. Каждая из обеих сил получает, следовательно, импульс от другой; но импульс, который она дает как деятельная сила, состоит в том, что она получает импульс от другой силы; импульс, который она получает, вызван ею же самой. Вот почему то и другое, даваемый и получаемый импульс, или деятельное проявление и пассивное внешнее, не есть нечто непосредственное, а опосредствовано, и притом каждая из этих двух сил тем самым сама есть та определенность, которую другая сила имеет относительно ее, опосредствована другой силой, и это опосредствующее иное есть опять-таки ее собственное определяющее полагание.

Таким образом, то, что силе дается импульс другой силой, что в этом смысле ее поведение *пассивно*, но что, с другой стороны, она переходит от этой пассивности к активности, — это означает возвращение силы в самое себя. Она проявляет *себя*. Проявление — это реакция в том смысле, что она полагает внешнее как свой собственный момент и тем самым снимает то, что она была побуждена другой силой. Вот почему то и другое — проявление силы, благодаря которому она своей отрицательной деятельностью, направленной на самое себя, сообщает себе наличное бытие-для-иного, и бесконечное возвращение в этом внешнем к самой себе, так что она этим соотносится лишь с собой, — есть одно и то же. Пред-полагающая рефлексия, к которой относятся обусловленность и импульс, есть поэтому непосредственно также и возвращающаяся в себя рефлексия, и деятельность есть по существу своему реакция, направленная *против себя*. Само полагание импульса или внешнего есть снятие его, и, наоборот, снятие импульса есть полагание внешнего.

с) Бесконечность силы

Сила *конечна*, поскольку ее моменты еще имеют форму непосредственности; ее пред-полагающая и ее соотносящаяся с собой рефлексии различены в этом определении; первая являет себя как внешняя сила, существующая сама по себе, а другая — в соотношении с ней как пассивная. Сила, таким образом, по форме обусловлена, а по содержанию также ограничена: ведь определенность по

форме означает и ограничение содержания. Но деятельность силы состоит в том, что она *проявляет себя*, т. е., как это выяснилось, в том, что она снимает внешнее и определяет его как то, в чем сила тождественна с собой. Следовательно, сила поистине проявляет то, что ее соотношение с иным есть ее соотношение с самой собой, что ее пассивность состоит в самой ее активности. Импульс, которым она побуждается к деятельности, есть ее собственное побуждение; внешнее, присоединяющееся к ней, есть не нечто непосредственное, а нечто ею опосредствованное; равно как и ее собственное существенное тождество с собой не непосредственное, а опосредствовано своим отрицанием; иначе говоря, сила проявляет тождественность своего *внешнего со своим внутренним* ⁷⁴.

С. ОТНОШЕНИЕ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО

1. Отношение между целым и частями есть непосредственное отношение; поэтому рефлексированная непосредственность и сущая непосредственность имеют в нем каждая свою собственную самостоятельность; но так как они находятся в существенном отношении, то их самостоятельность есть лишь их отрицательное единство. Это теперь положено в проявлении силы; рефлексированное единство есть по существу своему иностановление как перевод себя самого во внешнее; но внешнее столь же непосредственно принято обратно в рефлексированное единство; различие самостоятельных сил снимается; проявление силы — это лишь опосредствование рефлексированного единства с самим собой. Имеется лишь пустое, прозрачное различие, видимость, но эта видимость есть опосредствование, которое само есть самостоятельная устойчивость. Не только противоположные определения снимают себя в самих себе, и их движение — это не только переход, но, с одной стороны, непосредственность, с которой начали и от которой был совершен переход к инобытию, сама дана лишь как положенная непосредственность, с другой стороны, благодаря этому каждое из определений в своей непосредственности уже есть единство со своим другим [определением], и переход благодаря этому есть равным образом просто полагающее себя возвращение в себя.

Внутреннее определено как форма *рефлексированной*

непосредственности или *сущности* в противоположность *внешнему* как *форме бытия*, но оба составляют лишь одно тождество. — Это тождество есть, *во-первых*, *изначальное* (*gediegene*) единство обоих как *содержательная основа* или *абсолютная суть дела* (*Sache*), в которой оба определения составляют безразличные, внешние моменты. Постольку это тождество есть содержание и целокупность, которая есть внутреннее, становящееся также и внешним, однако в этом внешнем оно не ставшее или перешедшее [в иное], а равное самому себе. Внешнее, согласно этому определению, не только *одинаково* по содержанию с внутренним, но оба составляют лишь *одну суть дела*. — Но эта суть дела как *простое тождество* с собой отличается от *своих определений формы*, иначе говоря, эти определения *внешни ей*; постольку она сама есть нечто внутреннее, отличающееся от ее внешнего. Но это внешнее состоит в том, что его составляют сами эти оба определения, т. е. внутреннее и внешнее. Сама же суть дела есть не что иное, как единство обоих. Тем самым обе стороны представляют собой по содержанию опять одно и то же. Но в сути дела они даны как *проникающее себя тождество*, как *содержательная основа*. Во внешнем же они как *формы сути дела* безразличны к этому тождеству, а тем самым и друг к другу.

2. Таким образом, они разные определения формы, имеющие тождественную основу не в самих себе, а в чем-то ином, — для себя сущие рефлексивные определения: внутреннее — как форма рефлексии-в-себя, существенности, а внешнее — как форма непосредственности, рефлексированной в иное, или как форма несущественности. Однако природа отношения показала, что эти определения составляют просто лишь одно тождество. Сила проявляет себя в том, что процесс предполагающего определения и процесс возвращающегося в себя определения — это одно и то же. Поэтому, поскольку внутреннее и внешнее рассматривались как определения формы, они, *во-первых*, лишь сама простая форма, а *во-вторых*, ввиду того что они этим определены в то же время как противоположные, их единство есть чистое *абстрактное опосредствование*, в котором одно определение есть *непосредственно* другое, и *потому* оно другое, что оно первое. Таким образом, внутреннее есть непосредственно *лишь* внешнее, и оно *определенность внешнего*, потому что оно внут-

реннее; и, наоборот, внешнее есть *лишь* нечто внутреннее, потому что оно *лишь* нечто внешнее. — А именно, так как это единство формы содержит оба своих определения как противоположные определения, то их тождество есть лишь этот переход, и в этом переходе — *лишь другое* их обоих, а не их *содержательное* тождество. Другими словами, это удерживание (Festhalten) формы есть вообще сторона *определенности*. Положена с этой стороны не реальная целокупность целого, а целокупность или сама суть дела лишь в *определенности* формы; так как последняя есть просто связанное вместе единство обоих противоположных определений, то, когда берут как первое одно из них — безразлично какое, — следует сказать об основе или о сути дела, что она именно *поэтому* столь же существенно находится и в другой определенности, но равным образом *лишь* в другой, так же как сначала было сказано, что она находится *лишь* в первой.

Таким образом, нечто, которое есть *еще только* что-то *внутреннее*, именно поэтому есть *лишь* внешнее. Или, наоборот, нечто, которое есть *лишь* что-то *внешнее*, именно поэтому есть *лишь* внутреннее. Иначе говоря, так как внутреннее определено как *сущность*, а внешнее — как *бытие*, то суть дела, лишь поскольку она есть в своей *сущности*, именно потому есть *лишь* непосредственное *бытие*; иначе говоря, суть дела, которая *лишь есть*, именно поэтому есть еще только в своей *сущности*. — Внешнее и внутреннее — это определенность, положенная так, что каждое из этих двух определений не только предполагает другое и переходит в него как в свою истину, но что оно, поскольку оно есть эта истина другого, остается *положенным как определенность* и указывает на целокупность обоих. — Тем самым *внутреннее* есть завершение *сущности* по форме. А именно, будучи определена как внутреннее, сущность заключает в себе то, что она недостаточна и дана лишь как соотношение со своим иным, с внешним; но внешнее точно так же есть не только бытие или же существование, но и нечто соотносящееся с сущностью или с внутренним. Однако здесь имеется не просто соотношение обоих друг с другом, а определенное соотношение абсолютной формы, заключающееся в том, что каждое из них есть непосредственно противоположность себе, и имеется их общее соотношение *с их третьим* или,

вернее, *со своим единством*. Но их опосредствование еще не имеет этой тождественной основы, содержащей их обоих; их соотношение есть поэтому непосредственное превращение одного в другое, и это отрицательное связывающее их единство есть простая, бессодержательная точка.

Примечание
[Непосредственное тождество внутреннего
и внешнего]

Движение сущности — это вообще *становление понятия*. В отношении между внутренним и внешним выступает тот существенный момент понятия, что его определения положены в отрицательном единстве таким образом, что каждое дано непосредственно не только как свое другое, но и как целокупность целого. Однако в понятии, как таковом, эта целокупность есть *всеобщее* — основа, которой еще нет в отношении между внутренним и внешним. — В отрицательном тождестве внутреннего и внешнего — в *непосредственном превращении* одного из этих определений в другое — недостает и той основы, которая выше была названа *сутью дела*. —

Очень важно обратить внимание на непосредственное тождество *формы*, как оно здесь положено еще без содержательного движения самой сути дела. Оно встречается в ней в том виде, в каком она есть в своем *начале*. Так, *чистое бытие* есть непосредственно *ничто*. Вообще все реальное есть в своем начале такое лишь непосредственное тождество, ибо в своем начале оно еще не противопоставило моменты друг другу и не развивало их; с одной стороны, оно из внешнего еще не *стало внутренним*, а с другой — своей деятельностью еще не *стало внешним* из внутреннего и не произвело себя, поэтому оно лишь внутреннее как *определенность* относительно внешнего и лишь внешнее как *определенность* относительно внутреннего. Тем самым реальное есть, с одной стороны, *лишь* непосредственное бытие; с другой же стороны, поскольку оно также и отрицательность, которая должна стать деятельностью развития, оно, как таковое, есть по существу своему еще *только* внутреннее. — Это имеет место во всяком природном, научном и духовном развитии вообще, и очень важно убедиться в том, что первое (*das Erste*), когда нечто есть еще только *внутренне*, или

также в своем *понятии*, именно поэтому есть лишь его непосредственное, пассивное наличное бытие⁷⁵. Так, чтобы привести ближайший пример, рассмотренное здесь *существенное отношение* до своего продвижения и реализации через опосредствование, через отношение *силы*, есть лишь отношение *в себе*, его понятие, или еще только *внутренне*. Но именно поэтому оно *лишь внешнее*, непосредственное отношение — отношение между *целым и частями*, в котором стороны имеют безразличную друг к другу устойчивость. В них самих еще нет их тождества; оно еще только *внутренне*, и поэтому они отделяются друг от друга, имеют непосредственную, внешнюю устойчивость. Подобным же образом *сфера бытия* — это вообще еще только всецело *внутреннее*, и потому она сфера сущей непосредственности или сфера внешнего. — *Сущность* — это еще только *внутреннее*; поэтому ее и принимают за совершенно *внешнюю*, лишенную системы общности. Говорят, [например], *das Schulwesen, Zeitungswesen*⁷⁶, понимая под этим нечто общее, образуемое посредством внешнего охвата существующих предметов, поскольку они не имеют никакой существенной связи, никакой организации. — Или, если обратиться к конкретным предметам, зародыш растения, ребенок есть еще только *внутреннее* растение, *внутренний* человек. Но именно поэтому растение как зародыш или человек как зародыш есть нечто непосредственное, нечто внешнее, еще не сообщившее себе отрицательного соотношения с самим собой, *нечто пассивное, предоставленное* иному бытию. — Так и *бог* в своем *непосредственном* понятии не есть дух; дух — это не то, что непосредственно, что противоположно опосредствованию, а скорее сущность, вечно полагающая свою непосредственность и вечно возвращающаяся из нее в себя. Поэтому *непосредственно* бог есть *лишь природа*⁷⁷. Иначе говоря, природа — это *лишь* внутренний бог, а не действительный как дух и тем самым не истинный бог. — Или, иначе, в мышлении как *первом* мышлении бог есть лишь чистое бытие или же сущность, абстрактное абсолютное, а не бог как абсолютный дух, единственно который и составляет истинную природу бога.

3. *Первое* из рассмотренных нами тождеств внутреннего и внешнего — это основа, безразличная к различию

этих определений как к внешней ей форме, иначе говоря, тождество как *содержание*. Второе [из рассмотренных нами тождеств] — это непосредственное тождество их различия, непосредственное превращение каждого из них в противоположное себе, иначе говоря, тождество как чистая *форма*. Но эти два тождества суть лишь *стороны одной целокупности*; иначе говоря, сама эта целокупность есть лишь превращение одного тождества в другое. Целокупность как основа и содержание есть эта рефлексированная в себя непосредственность лишь благодаря предполагающей рефлексии формы, которая снимает свое различие и полагает себя по отношению к нему как безразличное тождество, как рефлексированное единство. Другими словами, содержание — это сама форма, поскольку она определяет себя как разность и делает самое себя одной из своих сторон как внешнее, а другой стороной, т. е. внутренним, — как рефлексированная в себя непосредственность.

Итак, благодаря этому различия формы — внутреннее и внешнее — положены, наоборот, каждое в самом себе как целокупность себя и своего иного; *внутреннее* как простое рефлексированное в себя тождество есть непосредственное и потому в такой же мере бытие и внешнее, в какой оно сущность; а *внешнее* как многообразное, определенное бытие есть лишь внешнее, т. е. положено как несущественное и возвратившееся в свое основание, стало быть, как внутреннее. Этот переход их друг в друга есть их непосредственное тождество как основа; но равным образом он их опосредствованное тождество, а именно, каждое есть как раз благодаря своему иному то, что оно есть в себе, — целокупность отношения. Или, наоборот, определенность каждой из сторон благодаря тому, что она в самой себе целокупность, опосредствована с другой определенностью; таким образом, целокупность опосредствует себя с самой собой формой или определенностью, а определенность опосредствует себя своим простым тождеством с собой.

Поэтому то, что нечто есть, оно есть целиком в своем внешнем; его внешнее — это его целокупность, она точно так же его рефлексированное в себя единство. Его явление — это рефлексия не только в иное, но и в себя, и поэтому его внешнее есть проявление того, что оно есть

в себе; а так как его содержание и его форма, таким образом, совершенно тождественны, то нечто состоит в себе и для себя только *в том, чтобы проявлять себя*. Оно выявление (Offenbaren) своей сущности, так что эта сущность только в том и состоит, чтобы быть тем, что выявляет себя.

В этом тождестве явления с внутренним или сущностью существенное отношение определило себя как *действительность*.